

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОБ ОБЫЧНОМ ПРАВЕ И СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КЫРГЫЗОВ (XIX – НАЧАЛО XX вв.)

А.Л. Салиев

Рассмотрены примеры исследовательского интереса западных “путешественников” к обычному праву кыргызов и их судопроизводству. Приведены подробные ссылки на труды американского дипломата Ю. Скайле-ра, британских разведчиков Дж. Добсона, Г. Лэнсделла, Аннет Микин и члена палаты лордов Е. Дунмора.

Ключевые слова: британские путешественники; Туркестан; традиционное судопроизводство кыргызов.

Известный российский специалист по истории дореволюционного Туркестана, проф. П.П. Литвинов указывает, что в период царского владычества в регионе британские и иные “путешественники” (читай: разведчики – А.С.) имели возможность “относительно свободно наезжать в Среднюю Азию, пребывать в ней длительное время, передвигаясь по региону в целях детального изучения обстановки, а проще – шпионажа”¹. При этом он отмечал, что, несмотря на ограниченное знание официальной документальной подоплеку происходящего в царистском Туркестане, они «имели о нем приблизительно верное представление, основывавшееся на зорком “взгляде со стороны”»². Это замечание представляется нам немаловажным, как вообще, так и с точки зрения рассматриваемой здесь проблемы. Действительно, дореволюционная русскоязычная литература

о Туркестане³ в целом и Средней Азии, в частности исходила из привычного, давно сложившегося представления о правовом быте местного населения. Работы таких знатоков Туркестана, как: Н.П. Остроумов, В.П. Наливкин, Л.Ф. Костенко, И.И. Гейер, Н.И. Гродеков и др. были сочинениями глубокого смысла и знания, и они по сей день не утратили своей подлинно научной значимости. Но некоторые любопытные нюансы (особенно из жизни и деятельности коренных народов) туркестанской действительности выпадали из внимания русских исследователей Средней Азии. И в такой ситуации приобретает исключительно важное значение “взгляд со стороны”, не обремененный стереотипами восприятия. Мы полагаем, что царские власти, запуская британских и иных “путешественников” (разведчиков-шпионов) в Турке-

¹ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане:1865–1917 (По архивным материалам) / П.П. Литвинов. Елец, 1998. С. 29.

² Там же.

³ Туркестан, по нашему мнению, как регион включает в себя территории Западного Китая (Восточный Туркестан), севера Афганистана (Южный Туркестан), Средней Азии (Западный Туркестан) и казахские земли Малого и Среднего жузов (Северный Туркестан) – прим. автора.

стан, руководствовались своими соображениями. В большинстве случаев зарубежные “путешественники” суммировали свои впечатления о посещениях российских территорий в Средней Азии¹ “свежим взглядом” и публиковали их в виде книг. Классическим примером является двухтомное сочинение американского дипломата Ю. Скайлера, совершившего “путешествие” в этот регион в середине 1870-х гг.² Британский разведчик Дж. Добсон, специализировавшийся на изучении “железнодорожного” вопроса в дореволюционном Туркестане, писал о двухтомнике американца: “По-моему, эта книга никогда не будет превзойдена любыми другими трудами и, возможно, она более полезна для англичан, чем для русских, для того, чтобы проанализировать свою политику в колониях”³. П.П. Литвинов разделяет мнение английского “железнодорожника”, указывая, что “по сей день трудно найти книгу, равноценную скайлеровской – во всяком случае, в зарубежном туркестановедении”⁴. Ю. Скайлер писал о том, что во времена владычества среднеазиатских ханов кочевники Туркестана сохраняли приверженность своему традиционному обычному праву – адату и оказывали активное сопротивление попыткам шариатизации их судопроизводства. Русские власти признали их право на традиционное судопроизводство и оформили его законодательным образом. Скайлер скептически расценивал организацию народных судов – “мехкеме”, в том числе и среди кочевого населения, при военном губернаторе Туркестанской области, генерале Романовском в 1866–1867 гг. В первом томе своего сочинения Скайлер писал о том, что “русские могли, по примеру среднеазиатских ханов, использовать практику назначения народных судей для населения Туркестана, но они предпочли принцип их выборности, наподобие избрания волостных и аульных старшин (аксакалов), а также туземных полицейских чинов. Такая выборная система имела плохие результаты в виде взяточничества и коррупции, процветавших во время выборов судей под откровенным давлением властей в пользу их фаворитов. Немало людей исключалось из выборных списков по причине их неблагонадежно-

сти. Таким образом, выбор народных судей как кочевого, так и оседлого населения является практически командным”⁵. Во втором томе, возвращаясь к теме судопроизводства, Скайлер писал о том, что “было бы лучше и понятнее для туземцев, если бы народные судьи ими просто назначались, что было бы естественным возвращением к старым порядкам, которые существовали в ханские времена и к которым они давно привыкли”⁶. Скайлеру принадлежит любопытное свидетельство о том, что кыргызским судьей-бием был совершенно чужой им в этническом отношении человек. Американец писал: “Русский казак, ежегодно наезжавший на озеро Иссык-Куль для рыбной ловли приобрел такую солидную репутацию среди тамошних кыргызов, что они упростили его быть у них судьей-бием с уплатой специального от них вознаграждения за такие труды. Решение многих особенно сложных дел номадов откладывалось до его ежегодного визита”⁷. Мы не исключаем реального характера данного свидетельства Скайлера, однако полагаем, что в этом случае он выступал не как бий – знаток обычного права (адата) кыргызов и решавший дела на его основе, а как третейский судья – посредник, улаживавший межродовые и межплеменные конфликты в их среде. Русский человек, никак и ни в каком отношении глубоко не связанный с тяжущимися сторонами, мог выступать в качестве действительно беспристрастного и объективного посредника в их делах. В связи с этим мы бы не стали считать вышеприведенный случай феноменом в судебной практике кыргызов, не имевшим аналогов. Напротив, все чаще в качестве посредников в решении конфликтов между кыргызскими родами и племенами выступали не только русские – чины уездной администрации, но и авторитетные, умудренные жизненным опытом, имевшие давние и тесные связи с кочевниками “старожилы” русских поселений. Так, в 1880-х гг. начальником Наманганского уезда, Ферганской области, на территории которого традиционно кочевало множество кыргызов, был П.В. Аверьянов, нередко лично разрешавший споры и конфликты, возникавшие между их родами и племенами, по поводу ареалов кочевания, пастбищ, барымты и др. Известный знаток правовой и иной жизни коренного населения региона В.П. Наливкин писал в 1913 г. о том, что “наряду с большим числом стяжателей

¹ Бухарское и Хивинское ханства как среднеазиатские владения, естественно, к ним не принадлежали – Прим. автора.

² *Schuyler Eugene. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. In 2 Vols. London, 1876.*

³ Цит. по: *Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане: 1865–1917 (По архивным материалам) / П.П. Литвинов. Елец, 1998. С. 284.*

⁴ Там же.

⁵ *Schuyler Eugene. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Vol. 1. London, 1876. P. 169.*

⁶ *Op. cit., vol. 2. London, 1876. P. 237.*

⁷ *Op. cit., vol. 1. London, 1876. P. 166.*

и грабителей, из которых большинство остались безнаказанными, среди представителей русской администрации было все-таки несколько таких, которых народ чтит за недюжинный ум и за еще более недюжинную душу. Народ, привыкший видеть в ханских *хакимах* притеснителей и грабителей, не мог не ценить тех, в ком встречал противоположные качества. Так было, например, в Фергане с П.В. Аверьяновым, простота образа жизни и обращения, доступность, человечность, правдивость и безукоризненная честность которого так резко бросались в глаза населения, что среди последнего одно время ходили даже слухи о том, что он *хасиль*, т. е. достигший одной из первых степеней святости, когда человек приобретает возможность являться во сне другим людям и предупреждать их о грозящей опасности¹. Среди кыргызов Алая пользовались авторитетом помощники начальников Маргиланского и Ошского уездов, капитаны Авров и Стогов, выезжавшие на “летовки” с тем, чтобы регулировать отношения между кочующими там кыргызскими родами. Любопытно, что историк кыргызского обычного права (адата) С.К. Кожоналиев писал в 1967 г. о том, что в Прииссык-кулье обязанности народного судьи-бия исполнял русский казак². При этом он ссылался на статью Ю.Р. Росселя, опубликованную в 1878 г. в журнале “Вестник Европы”³. Однако, как мы видим, за два года до этого о русском бие писал американский “исследователь” Туркестана и, надо полагать, Россель позаимствовал сюжет о нем именно у Ю. Скайлера.

Одним из наиболее глубоких и значимых свидетельств о жизни кыргызов Туркестана в XIX в., их обычном праве и судопроизводстве является двухтомное сочинение английского разведчика Г. Лэнселла⁴, “путешествовавшего” по, как тогда говорили, Азиатской России под видом представителя международного общества “призрения и попечительства о тюрьмах и заключенных”. Власти Российской империи, подписавшие соответствующую международную конвенцию, не

могли воспрепятствовать ему в исполнении своих “прямых” обязанностей и могли только наблюдать за его передвижением на подвластных им территориях. Лэнселл начал свою деятельность в 1879 г. с Сибири, а намерение посетить Туркестан вызрело у него в 1882 г., на что он получил разрешение в Петербурге, в том числе лично от императора Александра III. В том же году он оказался в Семи-речье. Следует отметить, что в дореволюционной российской и зарубежной историографии термином “киргизы” обозначали всех (кроме туркмен) кочевников Средней Азии и Казахстана. Однако Лэнселл называл, как принято говорить, вещи своими именами. В своем сочинении он проводил четкую грань между двумя крупнейшими кочевыми этносами Туркестана – кыргызами и казахами, ссылаясь при этом на труды В. Радлова и других номадологов того времени. Он писал о том, что “кара (черные) или дикокаменные (горные – А.С.) кыргызы, называемые также китайцами или калмаками “бурутами”, населяют Семиречье, Фергану и Кашгарию, все долины Тянь-Шаня, Алая, Памира и так вплоть до Тибета и Индостана”⁵. Он весьма подробно описывал быт и нравы кыргызов, их обычное право (адат) и судопроизводство. Лэнселл считал кыргызский адат оформленным и цельным, пользующимся уважением своего народа. Он уделил особенное внимание обычному, семейно-брачному праву кыргызов, брачному договору и церемониалу, размеру калыма, условиям его уплаты или возврата в тех или иных случаях. В отличие от других исследователей как российских, так и зарубежных, “попечитель о тюрьмах” не был склонен преувеличивать значение института левирата в обычном праве кыргызов. Он указывал, что “кыргызские вдовы должны поддерживать родство с мужней стороной, но совсем не обязаны выходить замуж за братьев покойных мужей. Они могут вообще не выходить замуж”⁶. Лэнселл отмечал справедливость обычного права кыргызов по отношению к женщине. “Если кыргызская вдова осталась бездетной, то она имеет право получить часть имущества покойного супруга, – писал он, – однако, если же она остается с детьми, то получает все наследство от умершего мужа”⁷. При описании обычной и правовой жизни кыргызов, Лэнселла преследовала “идея фикс” – он постоянно сравнивал их с древними (библейскими – А.С.) евреями,

¹ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь / В.П. Наливкин // Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004. С. 71.

² Кожоналиев С.К. Суд и уголовное право кыргызов до Октябрьской революции: 1850–1917 гг. / С.К. Кожоналиев. Алма-Ата, 1967. С. 6–7.

³ См.: Россель Ю. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке / Ю. Россель // Вестник Европы. 1878. Т. XIII. Кн. 6, июнь. С. 585–612.

⁴ Lansdell Henry D.D. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. In 2 Vols. London, 1885.

⁵ Lansdell Henry D.D. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. Vol. 1. London, 1885. P. 303.

⁶ Ibid. P. 329.

⁷ Ibid. P. 330.

называя указанных кочевников Туркестана “правнуками Авраама”, “наследниками заветов пророка Моисея” и т. п. Он писал о том, что обычное право кыргызов “показывает, как много привычек древней пастушеской жизни еврейских патриархов сохранилось среди кыргызов”¹. Говоря о судопроизводстве, Лэнсделл отмечал его классовый характер, связь с богачами, родоплеменной элитой, кривосудие, коррупционность и т. п. Лэнсделл указывал, что русские власти не доверяют судам биев, но сохраняют этот традиционный институт кочевой жизни в интересах обеспечения своего влияния на номадов Туркестана. Он подробно описывал то, каким образом и на какой основе производились выборы народных судей-биев у кыргызов на российских территориях Средней Азии. При этом он отмечал, что судьи-бии содержатся за счет самих кыргызских обществ, а не казенных ассигнований на сей счет².

В 1893 г. вышло в свет двухтомное сочинение английского “естествоиспытателя”, члена палаты лордов Е. Дунмора³ о жизнедеятельности кыргызов Памира. В это время, как раз, набирал обороты так называемый “памирский вопрос”, который отражал нараставшие русско-английские противоречия на стыке двух империй в Азии – Российской и Британской, однако при этом напрямую (а не косвенно, как полагают некоторые⁴) касались Цинской империи и Афганистана. То, что лорд писал о памирских кыргызах конца XIX в., безусловно, стало значительным вкладом в этнографическую науку. Естественно, что британский разведчик-аристократ не обошел вниманием обычное право и судопроизводство кыргызов “Крыши мира”. Следует особо отметить, что Дунмор побывал в их среде непосредственно после того, как в 1891 г. Россия, как правопреемница Кокандского ханства, восстановила свою законную власть над территорией Восточного Памира, где издавна кочевали кыргызы. Соответственно, все черты жизнедеятельности последних сохранились в наиболее чистом, неиспорченном цивилизацией и чужой властью виде. Это представляет интерес в том плане, что кыргызы других территорий Турке-

станского края к тому времени, как минимум три десятилетия испытывали как влияние первой, так и второй. Судоустройство и судопроизводство у них регулировалось законодательными актами царской власти. Административная власть (волостные и аульные старшины) была отделена от судебной (биев). Английский лорд, разумеется, знал об этом, в связи с чем он находил весьма специфическим то обстоятельство, что у кыргызов Памира бий-родоначальник, как правило, был одновременно и вершителем правосудия. Лорд писал о том, что обычное право – адат памирских кыргызов – действовало как применительно к каждому племени (и родам, в него входящим), так и имело общее выражение, обеспечивающее взаимосвязи различных этнических групп среди них⁵. Дунмор отмечал, что памирские кыргызы “свято чтут предписания своего обычного права, в связи с чем между ними практически не бывает конфликтов, стычек, драк и т. п., все проблемы разрешаются мирным образом на основе того же адата, а не шарриата, который они и не знают, и не признают”. Он отмечал похвально и личное поведение кыргызов “Крыши мира”. “Они – мирные и добросердечные люди, писал он, – а не налетчики и грабители, какими их некоторые изображают”⁶. Дунмор писал о том, что миссия Форсайта предоставила англо-индийским властям такие сведения о памирских кыргызах, что, когда он зачитал их родоначальникам и аксакалам последних, то “все они заявили, что никогда ранее, за всю свою жизнь, не слышали ничего подобного о таких неправдоподобных и оскорбительных вещах”⁷. Особое внимание лорд уделил семейно-брачному обычному праву кыргызов Памира, отмечая уважительное отношение к женщине и достаточно либеральное – к детям. При этом Дунмор указывал на значительный (по меркам Памира) размер калыма⁸. Считаю не лишним отметить, что английский лорд получил личное разрешение императора Александра III на свободный проезд по российским территориям в Средней Азии, без каких-либо особых на то документов. На наш взгляд, сочинение лорда Дунмора содержало немало политизированных пассажей. Например, он утверждал о том, что “все памирские кочевники искренне мечтают о том, чтобы стать британски-

¹ Ibid. P. 331–332.

² Ibid. P. 347–348.

³ *Dunmore. The Pamirs: Being a narrative of a year's expedition on horseback and on foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia. In 2 Vols. London, 1893.*

⁴ См. напр.: *Сергеев Е.Ю.* “Большая игра” в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд / Е.Ю. Сергеев // *Российская история.* 2011, № 5. С. 3–15.

⁵ *Dunmore. The Pamirs: Being a narrative of a year's expedition on horseback and on foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia. Vol., 2. London, 1893. P. 113–115.*

⁶ Ibid. P. 117.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. P. 118–119.

ми подданными и готовы ради этого эмигрировать в Хунзу”¹. На наш взгляд, в это мало верил как сам лорд, так и его покровители из англо-индийского правительства в Симле и Форин-оффиса в Лондоне. Памирские кыргызы, натерпевшиеся от набегов китайских отрядов из Кашгарии, относились весьма доброжелательно к новой для себя русской власти, в том числе и в судебной сфере. П.П. Литвинов писал без малого четверть века назад о том, что “рост доверия памирских киргизов к российской администрации во многом обуславливался также спецификой судопроизводства на Памире. Царское правительство сохранило здесь “народный” суд, руководствовавшийся в своей деятельности адатом. Само собой разумеется, на должности “народных” судей избирались, как правило, представители эксплуататорской верхушки. Но в отличие от других районов Туркестанского края, где русская администрация, согласно “Положению” 1886 г., утратила право контроля за действиями биев и казиев, на Памире она таким правом располагала. “Инструкция начальнику Памирского отряда”, служившая ему в качестве руководства к действию, указывала, что “взыскания за проступки и преступления, постановленные народными судьями, налагаются лишь при утверждении их Начальником Памирского отряда, которому предоставляется право отменять и видоизменять взыскания, соображаясь с обычаями населения, справедливостью и интересами русской власти”. Таким образом, начальник отряда был высшей судебной администрацией в крае”². В связи с этим считаем нелишним сослаться на мнение зарубежных исследователей Ф. Скрайна и Е. Росса, которые писали в 1899 г. о том, что есть немало черт сходства между английским колониальным режимом в Индии и российским – в Туркестане, однако они усматривали между ними и существенные различия. По их мнению, главное из них заключалось “в отношениях между судебными и административными учреждениями. В Британской Индии суды полностью отделены от административной власти

¹ Ibid. P. 121–122. Хунзой в то время называли небольшое владение Канджунт. – Прим. автора.

² Литвинов П.П. Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX – начала XX в. / П.П. Литвинов. Фрунзе: Наука, 1989. С.75–76.

и действовали независимо от нее, тогда как в Русском Туркестане судебная и административная власть состоят в столь близких и тесных отношениях, которых можно было только ожидать”³.

Среди тех, кто писал о кочевниках Туркестана следует отметить английскую “путешественницу” Аннет Микин. Она была хорошо знакома с Востоком, исламом и мусульманскими народами. А. Микин два года прожила в Марокко, потом в Египте, Константинополе и в Палестине. Побывала она в гостях и у казанских татар. Посетила Микин и Западную Сибирь. В 1896 г. она вместе с братом навестила Бухару, а в 1902 г. побывала там во второй раз. Микин писала о том, что кочевники Русского Туркестана, являясь номинальными мусульманами, не используют шариат в своем судопроизводстве, которое полностью основывается на обычном праве – адате. А. Микин особенным образом подчеркивала то обстоятельство, что преданность номадов региону своему традиционному (обычному) праву “обеспечивает у них более высокую нравственную личную и общественную жизнь, нежели у фанатичного сартовского (оседлого – А.С.) населения”⁴.

Кроме приведенных в данной статье зарубежных авторов, об обычном праве и судопроизводстве кочевников Туркестана писали и другие “путешественники”-иностранцы⁵. Безусловно, несмотря на присутствовавший в их работах политический подтекст и контекст, они представляли ранее и представляют сейчас значительный интерес для тех исследователей, кто пытается рассматривать проблемы истории кочевых и иных народов указанного региона в более широком, целостном и объемном формате.

³ Skrine F.G., Ross E.D. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest times. London, 1899. P. 414.

⁴ Meakin A. In Russian Turkestan. A garden of Asia and its people. London, 1903. P. 231.

⁵ См. напр.: Bonvalot Gabriel. Throught the Heart of Asia over the Pamirs to India. In 2 Vols. London, 1889; Cobbold Ralph P. Innermost Asia. Travel and Sport in the Pamirs. London, 1900; Curzon George N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. London, 1889 и др.